

ИЛЬЯ БОЯШОВ

КОНУНГ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург
Москва

Илья Бояшов

Конунг

«Издательство К.Тублина»

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Бояшов И. В.

Конунг / И. В. Бояшов — «Издательство К.Тублина»,

ISBN 978-5-8370-0523-7

Этот роман лауреата премии «Национальный бестселлер» рассказывает историю молодого норвежского ярла Рюрика. Оказывается, еще до того как он стал княжить на Руси, его жизнь была полна захватывающих приключений. Бояшов — великолепный стилист. Смешивая историческую правду факта, певучую речь ирландских саг и брутальную мифологию викингов, на выходе он получает текст, который простак прочтет как феерическую авантюру, а мудрец — как размышление о природе власти.

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-8370-0523-7

© Бояшов И. В.
© Издательство К.Тублина

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

28

Илья Бояшов

Конунг

*Звездные руны проснулись.
Бери свое достоянье.
Оружье с собою не нужно.
Обувь покрепче надень.
Подпояшься потуже.
Путь будет наш каменист.
Светлеет восток. Нам пора.*

Н. К. Рерих

© ООО «Издательство К. Тублина», 2008

© А. Веселов, оформление, 2008

* * *

Вот легенда о Бьеорк-горе: в Норвегии, во времена Хальвдана Черного, еще до большого немирья и той крови, которую пролил сын его Харальд Косматый, он же впоследствии Прекрасноволосый, жил ярл Олаф Непобедимый, или Удачливый, сын Сигурда, сына Гудмунда Острой Секиры. Женой его была Астрид, дочь Офейга Густоволосого. Олаф был отличный викинг, был он настолько удачлив, что воины стекались к нему в Бьеорк-фьорд со всей Норвегии, и кроме того, полным-полно было у него свеев¹ и датчан, а также охотно он брал к себе ладожских русов. Он совершал походы и возвращался всегда с богатой добычей и много горя причинял своим врагам. В Ирландии он побил короля Кьярваля и многих воинов взял в плен, также убивал он во множестве англосаксов, и привозил на продажу рабынь, и приносил большие жертвы горе Бьеорк.

Гора эта была священна, ее знали в Норвегии, с ее вершины начинался путь в сам Асгард², обитель богов, напрямик к Одину³ и Тору⁴, и многие часто видели над ее вершиной радугу Хеймдалля⁵. Смертные поднимались только до половины горы, до ясеня, которому и приносили жертвы. На вершину же не мог вступить ни один из смертных – так было заведено с незапамятных времен. Волки Фенрира⁶, вне всякого сомнения, стерегли вершину – все об этом знали и побаивались гнева богов.

¹ Свеи – так в старину называли шведов (здесь и далее прим. автора).

² Асгард – по скандинавским преданиям, в центре вселенной стоял ясень Иггдрассиль, в корнях которого располагался мир людей – Мидгард, а в кроне ясеня боги построили свой город – Асгард. Там, в роскошных палатах, восседали за столами погибшие в битвах воины, постоянно пируя и веселясь.

³ Один – бог войны и мудрости, главное божество скандинавского пантеона. Именно к этому знаменитому богу помощницы-валкирии доставляли с полей сражений погибших викингов. Один встречал их, восседая на троне, его самого охраняли белые волки; в руках непобедимый мудрец и поэт сжимал копьё, ему прислуживал верный конь – восьминогий Слейпнир, на котором Один частенько спускался в мир людей, путешествуя либо в своем обличе, либо притворяясь стариком и странником. Самый грозный бог скандинавов был одноглазым – один свой глаз он отдал великану Мимиру в обмен на возможность испить из источника мудрости.

⁴ Тор – бог молнии и грома. Тор обладал волшебным молотом Мьёльниром, который метал в своих врагов, – убивая их, Мьёльнир возвращался обратно к владельцу.

⁵ Хеймдалль – бог радуги, верный страж Асгарда. По поверьям скандинавов, радуга представляла из себя мост, по которому боги спускались из своего мира в мир людей. Возле ворот Асгарда они поставили Хеймдалля. Рядом с Хеймдаллем всегда находился гигантский рог Гьяллархорн – достаточно было протрубить в него, и все боги, где бы они ни были, слетались на зов.

⁶ Фенрир – мифический волк, страшное существо, наделавшее много бед. В конце концов боги хитростью одолели Фенрира и связали его самой крепкой цепью, с тем чтобы волк не смог вырваться. Считалось, что когда силы зла освободят Фенрира, начнется великая битва богов с полчищами великанов, троллей и прочих чудовищ – Рагнарёк. В этой битве и богам, и

Вот что касается той горы: однажды Олаф Удачливый устроил пир, сидели на том пиру весьма уважаемые воины, известные во всей Скандии берсерки⁷ Бьярни Бычья Шея и Сванельд, по прозвищу Костедробитель, и еще Свейн и Лейф и Бранд Мучная Бород – и еще многие. Пришел на пир и старый Рунг Корабельщик, который раньше строил отличные корабли отцу Олафа Сигурду, – но что-то случилось с головой этого человека, он уже давно не брал в руки топора, а когда многие ярлы и даже конунг Хальвдан Черный обращались к нему как к лучшему мастеру среди всех норвегов, Рунг отвечал одно:

– Я не желаю больше строить корабли для разбоев.

После того как Рунг таким образом отказал самому конунгу, который сулил большие деньги, многие посчитали его помешанным, а то, что он твердил, для всех было самым настоящим бредом. Случилось так, что на этом самом пиру, куда пригласили Корабельщика, ярл Олаф принялся хвастаться своими подвигами перед Рунгом. И не забывал он при этом и о своих воинах, и о том похвалялся, что один из его дружинников, Сванельд, прикинувшись бродягой, пробрался в стан к торговцам, когда они стояли на берегу, и когда те, дав ему пищи и вдоволь насмеявшись над его убожеством, заснули, то перебил всех и принес ему, ярлу, большую добычу. Другой же, Бьярни Бычья Шея, во время битвы в Херм-фьорде вскочил на борт вражеского дракона⁸ и многих поразил мечом – а потом, в славе своей, запрыгнул обратно на корабль Олафа. Третий – Гисли Лежебока – веслом в Тронхейме убил тринадцать человек.

Ярл при этом приговаривал:

– Так могут поступать лишь свободные из свободных, благородные воины, чьи сердца бесстрашны. Потому-то Мидгард и принадлежит им, и могут они повелевать жизнями тех, кто сделан из глины.

Рунг Корабельщик тогда встал, не выдержав, и вот что заявил:

– Если они свободны, все эти твои храбрецы, – пусть заберутся на вершину горы Бьеорк!

Ярл Олаф воскликнул:

– Ты издеваешься над нами, Рунг Фергюнсон!

Мастер возьми да ответь:

– Истинная свобода в полном бесстрашии, тот, которого зовут Непобедимым. Если хочешь быть истинно свободным, заберись-ка на вершину горы Бьеорк. Ты, покоривший многие города и дошедший до самого Миклагарда⁹.

И еще он вот что добавил, усмехаясь:

– Не странно ли: половину мира держите вы, люди фьордов, на лезвиях своих секир и мечей, и все уstraшено, все бежит перед вами, но робость охватывает вас, как только головы свои поднимете к вершине горы Бьеорк. Колени ваши дрожат, храбрейшие, и губы невольно шепчут молитвы. Половина мира у ваших ног, но что в том толку! Как бы далеко ни убегали ваши корабли, не уйти вам от этой горы. Вот что скажу: прикованы вы к ней самой прочной цепью, рабы так не боятся своего господина, пусть даже самого строгого, как вы боитесь белых волков Фенрира.

Ярл Олаф пришел тогда в ярость и прогнал Корабельщика. Прежде чем уйти, тот продолжал твердить как бы про себя:

их противникам суждено будет погибнуть – наступит конец старого мира. Но люди не исчезнут – они спрячутся в дупле ясеня Иггдрассиль. После того как битва закончится, люди создадут новый мир, который заселят новые боги.

⁷ Берсерки отличались от остальных воинов тем, что во время битвы впадали в состояние особого транса. Берсерки считались непобедимыми. Для достижения подобного состояния перед сражением они употребляли наркотические вещества (грибы) и часто сражались без доспехов с одним мечом или секирой.

⁸ Дракон, или дракар – военный корабль скандинавов. Назывался так, скорее всего, потому, что часто на носу корабля вырезалось изображение этого мифического животного.

⁹ Миклагард – так в Норвегии называли Константинополь.

– Что толку в мечях и набегах? Знаю лишь одно – в фьордах Скандии нет свободных людей.

Все викинги, бывшие на том пиру, сочли его речи чрезвычайно дерзкими.

Вскоре у Олафа Удачливого и у Астрид, дочери Офейга, родился сын Рюрик. Нужно сказать, что уже с детства сынок отличался своенравностью, был воинствен и хвастлив, и в играх легко побеждал своих сверстников, потому что природа наделила его большой силой и сообразительностью.

Когда Рюрику исполнилось пять зим, Олаф ушел в поход, дома же, кроме викингов, которые доживали свою старость у ярла, оставались еще Отмонд и заболевший в то время вечно юный скальд Гендальф – им и поручили Рюрика. Отмонд был самым настоящим колдуном. Поговаривали, что частенько шатается он в лесу у подножия Бьеорк-горы. Видели его как-то летней ночью на белой кобыле возле самых дальних хуторов Бьеорк-фьорда, и то было тем более странно, что по всей округе в помине не водилось белых лошадей. Отмонд знал много заклятий и знал, какие травы собирать для излечения от многих болезней. С собой он всегда носил приготовляемый им самим напиток и, когда им напивался, делался сам не свой. Тогда он видел богов, кобольдов¹⁰, карликов, а также эльфов и запростеcki с ними разговаривал. Вот Отмонд и взялся рассказывать будущему господину Бьеорк-фьорда про Одина и Тора, про коня Слейпнира и про многое другое – а рассказчик-то он был прекрасный. Зимой в доме мужчины маялись от безделья – оставалось им только языками чесать возле очага. Отмонд, когда мальчишка присаживался к нему, охотно ведал про Фенрира, которого боги заманили на гору да и привязали самой крепкой лентой, чтобы свирепый волк не вырвался, и о небесном Асгарде; о том, какие там дома да палаты, в них только пировать в свое удовольствие. И так все это расписывал, что взрослые заслушивались, – здорово получалось у этого Отмонда – все так и видели Асгард перед собой. Отмонд твердил, что Асгард – самый великий город из когда-либо построенных людьми или асами. И еще он любил рассказывать про карликов и про все их превращения в выдр и лососей. А так как сам с ними то и дело встречался, то слушать об этом было очень интересно. От него же маленький Рюрик узнал про Ран Похитительницу и про саму богиню смерти Хель. Как только начинал Отмонд описывать ее темные да глубокие пещеры, тут даже старикам становилось не по себе. Они, правда, головами недоверчиво покачивали – но прислушивались к тому, что он, колдун, знает. Всякий раз, когда речь заходила о Бьеорк-горе, Отмонд утверждал, что постоянно видит радугу, которая опирается одним своим концом на ее вершину, – а все для того, чтобы Один, Тор, Тюр, Фрея и другие боги спускались по ней в Мидгард. Про сторожа той радуги, бога Хеймдалля, он столько знал, словно был знаком с ним. И еще этот Отмонд любил запугивать женщин, которые помогали Астрид убираться в доме, утверждая, что Локи¹¹, спускаясь с горы Бьеорк, частенько шатается в окрестностях фьорда и подлавливает заплутавших простушек. Хотя мужчины и верили во многое из того, о чем он говорил, но всегда прибавляли, что не потерпит этот Отмонд, чтобы не присочинить. Но все его охотно слушали – это точно. Вот почему зимой Отмонд и не вылезал из дома Олафа и здесь же кормился вместе со стариками и прочими людьми, которых собирала большая крыша.

Рюрик однажды спросил его, что там шуршит в углах дома по ночам за сундуками и лавками и мешает ему спать.

Отмонд охотно ответил:

– Кобольды начинают свою уборку по ночам. Особенно же любят они лунные ночи. И еще любят тепло и не прочь, когда все уснут, подобраться к очагу и погреться от углей.

¹⁰ Кобольды – волшебные человечки, которые жили в домах. Выходили из своих укрытий по ночам, когда хозяева спят.

¹¹ Локи – один из самых неоднозначных скандинавских богов. С одной стороны, был не чужд озорства и веселья, с другой – часто его выходки приносили и богам, и людям большие неприятности. В конце концов Локи совершенно испортился и примкнул к чудовищам и троллям, с тем чтобы вместе с ними свергнуть Одина.

Вечером Рюрик взял с собой палку – а спал он на сундуке возле стены – и спрятал ее у изголовья. Когда все уснули и зашуршало по углам, вскочил и побежал туда, где шорох слышался всего явственней. Он принялся колотить палкой в том углу, сурово приговаривая, чтобы несносные человечки убирались и не мешали ему спать. Удары палки разбудили всех в доме, был большой шум, и приковылял из своего угла даже Хомрад, самый старый из тех, кого держал Олаф в своем доме. Хомрад ходил в походы еще с отцом Олафа Сигурдом и знал его деда, Гудмунда Острую Секиру. Когда люди собрались, Рюрик объяснил им, что не желает терпеть по ночам шума даже от кобальдов. Все, посмотрев на серьезный вид сына Олафа, едва сдерживались, чтобы не засмеяться.

Хомрад сказал довольно:

– Вот растет будущий господин.

Гендальф посоветовал:

– Пора в руках держать не палку, а меч, будущий пожиратель жизней.

Рюрик все это воспринял со всей серьезностью. Разогнав подобным образом человечков, он отправился спать и спал крепко.

Мальчишка больше всего любил слушать про обитель богов Асгард и часто спрашивал Хомрада и старого Свейна, видели ли они на земле город, подобный такому, о котором заливался Отмонд. Те отвечали, что встречали много городов, но, видно, ни одному из них не сравниться с Асгардом, если, конечно, верить всему тому, о чем Отмонд так треплется. Рюрик тогда поклялся, что построит город не хуже, чем у Одина, а уж домов и палат в нем будет столько, что вместят они тысячи воинов. Старики совершенно серьезно отвечали – подобная затея под силу только великому конунгу. И уж если он, Рюрик, собирается им стать, то, пожалуй, это будет ему по плечу.

Рюрик все никак не мог успокоиться. Вдоволь намечтавшись, спрашивал ко всему прочему, видели ли старики Одина и других асов. Одина Свейн и Хомрад не встречали, но случались и с ними всякие приключения и странные вещи – об этом старые люди вспоминали охотно. Не раз на их глазах от молота, во время дождя посылаемого Тором, загорались то сараи, то деревья, а однажды загорелся корабль. И еще рассказывали они Рюрику о том, как крутит драконы Ран¹² и как море мгновенно может превратиться в кипящий котел, да такой, что в нем вполне можно увидеть и великого пожирателя людей и драконов – змея Ёрмунганда. Добавляли старики еще много всякой всячины о великанах и змеях – Рюрик слушал, поджав губы, не выдавая волнения, высоко подняв голову, как полагается воину. И не содрогался даже тогда, когда от всех этих былей и небылиц вздрагивали женщины, которые тут же начинали прислушиваться к ветру, скрипам и шорохам.

Что касается матери его, Астрид, то она не одобряла все эти рассказы, но терпимо относилась к Отмонду, хотя и бросала на него сердитые взгляды, когда тот особенно расхотелся и отвлекал от дела ее работниц. Рюрик же, наслушавшись всего, пожелал иметь такой же молот, какой имеет Тор. Кузнец Свард, потехи ради, выковал будущему господину фьорда небольшой молот – с ним Рюрик отправился за порог и попытался испробовать в деле. Работники, бывшие в доме, вновь едва сдерживались, чтобы не рассмеяться, и выглянули за маленьким ярлом. Гендальф, которого забавила серьезность Рюрика, был с ними. Кузнец Свард, пришедший к Астрид по делам, оставался в доме и беседовал с женой Олафа.

Увидав пролетающую сойку, Рюрик метнул молот – надо сказать, довольно далеко – но молот, конечно же, и не думал возвращаться. И тогда работники, а среди них Зигфаст Овчина, Торейр Плешивый, Гейдмунд, которого все звали Вертопрахом, потому что уж больно он любил молоденьких девушек, да и с замужними женщинами не прочь был путаться, не могли

¹² Ран – богиня моря.

удержаться от смеха. Но сын Олафа взглянул на них с такой яростью да так ногой притопнул, что все невольно замолчали. Рюрик вернулся в дом и, едва сдерживая бешенство, задал вопрос кузнецу:

– Отчего молот не прилетел ко мне обратно, Свард? Не я ли просил тебя сделать его точно таким, как у самого Тора? Не ты ли мне поклялся, что исполнишь пожелание?..

Говорил он как взрослый, и Свард невольно был вынужден оторваться от разговора. Кузнец ответил отпрыску Олафа совершенно серьезно:

– Со своей стороны сделал я все, что нужно, и даже уподобился самому Синдри¹³, но вот Отмонд подкачал со своими заклятиями. Кстати, благородный, ты не подходил к нему с просьбой немного поколдовать над моей работой?

Свард позволял себе так открыто подшучивать и над Отмондом, потому что кузнец был не из робкого десятка. Нужно добавить, что славился он как замечательный мастер, ярл Олаф ценил его, и Астрид относилась к нему с большим уважением.

А еще кузнец Свард, усмехнувшись в свою большую бороду, добавил:

– Раз ты, благородный, сам не позаботился о волшебстве молота, с меня и взять тогда, видно, нечего...

Рюрик задохнулся от гнева – с тех пор на долгие годы Свард сделался злейшим его врагом. Правда, кузнец до поры до времени не придавал этому значения, пока чуть было не поплатился жизнью за свое легкомыслие. Но это случилось намного позже, а тогда Свард, приглядевшись к мальчишке, сказал Астрид:

– Рюрик весьма не прост, и, видно, не только отец, но и дед и прадед проглядывают в нем. Ярость его – это ярость воина.

Рюрик же бросился после такой отповеди прочь из дома и, разыскав молот в снегу, забросил его. Работники теперь и не думали над ним смеяться. Гендальф, томившийся в ту зиму рядом с Астрид, после случая с Мельониром, сложил о Рюрике почтительную вису¹⁴. Были в ней слова:

Чую: будущий Пожиратель Жизней
Гордо понесет подставку для шлема.
В Буране Лезвий Великаншей Битв
Откроет немало Врат Крови
Страж Золотого Прибоя.

Маленький Рюрик принял ее благосклонно и неожиданно ответил своей:

Долго ли Соколу Драконов Моря
Подобно Ивам Золотых Обручий
Чистить горло в Бьеорк-фьорде?

Он намекал на то, что не пристало настоящему воину сидеть сиднем вместе с женщинами. Гендальф этим восхитился и поклялся, что не от всякого взрослого можно услышать вот такую, сразу же сочиненную вису. И сказал с уважением, что, видно, из Рюрика вырастет большой скальд. Отмонд, бывший при этом, также восхитился и принялся восхвалять Астрид как мать будущего скальда.

¹³ Синдри – карлик-кузнец, который ковал богам волшебное оружие.

¹⁴ Висы – стихи, которые складывали скандинавские поэты-скальды. Висы отличались крайней вычурностью. Так, воины в них назывались Пожирателями Жизней, или Вороны Одина, или Властителями Бури Металла. Битву могли назвать Бураном Лезвий, кольчугу – Рубашкой Брани, море – Дорогой Рыб, женщину – Ивой Запастий и т. д. До сих пор скандинавские висы доставляют немало головной боли переводчикам.

Астрид тогда сказала Отмонду и Гендальфу:

– Олафу нужен воин, а не сочинитель вис!

Гендальф почтительно возразил:

– Город создаст только тот, кто складывает удачные висы. Маленький ярл не раз спрашивал, можно ли возвести Асгард на земле, и, видно, не терпится ему сравняться в этом с Великанами.

Астрид сердито отвечала:

– Пусть города строят греки – им они важнее.

Между тем Гендальф тоже много поведал будущему господину о Мидгарде. Кроме всякой всячины, узнал Рюрик о Гебридских островах и об острове Барка, а также о путях в Шотландию и Ирландию, где сам Гендальф вместе с отцом Рюрика, Олафом, бывали неоднократно. Жил Гендальф какое-то время и в Упланде¹⁵, где правил конунг Хальвдан Черный. Рассказывал он, что далеко на западе за морем есть Исланд – весьма богатый птичьими базарами и рыбой остров, частенько на его берега выбрасывает китов, и там неплохо живетсЯ другим норвегам, которые туда перебрались. Рюрик знал все это от Хомрада и других викингов, но тем не менее слушал и запоминал. Гендальф бывал у сеев и финнов и рассказал о земле, которая находится восточнее великого озера Нево¹⁶. Есть на ней город Ладога, где издавна живут вместе варяги, угры, финны, славЯ, а также многие норвеги и свеи, бежавшие туда по разным причинам из Скандии. Все они, сделавшись единым племенем, которое называют еще русью, оседлали пути на юг и поставили свои города до Ильменя. Ту землю называют еще Гардарики¹⁷, и там, если Рюрик так интересуется городами, есть на что посмотреть. Что касается тех русов, утверждал Гендальф, то они отличаются столь независимым и свирепым нравом, что не признают ни конунгов, ни ярлов, и постоянно враждуют между собой, и никогда не в силах примириться. А если бы примирились, то стали бы великим народом. Эти русы не прочь пограбить купцов, проходящих по их рекам, и часто к тому же нанимаются к грекам, свеям и датчанам, а иногда воюют с ними, когда хотят и их пограбить. Озеро Нево их собственное. Это из них был великий викинг Свейн. Воспитывалась в том гнезде и бабка великого викинга Ангантира, также известная своими морскими походами.

Гендальф рассказал, что именно с русской земли пришел в Скандию первый конунг и бог Один и с ним многие асы. Один правил там первым Асгардом, который сам, еще без хитрости, построил в Мидгарде перед тем, как прийти сюда и подняться с Бьеорк-горы в само небо на вершину Иггдрассиля. Рюрик слушал и мотал себе на ус. А память у него была такая, что впоследствии все поражались, как только мог он сохранить множество всяких историй в своей голове. Так что он с детства был непрост, этот сыночек Олафа Удачливого.

Весной ярл привез большую добычу. В Бьеорк-фьорд пришли все пятнадцать его драконов, хотя многие из них во время того похода сильно пострадали, – у многих была течь и борта расщеплены ударами топоров и секир. Из похода не вернулись Сигурд Прекрасноглазый, Эсмиральд и Сванельд Костедробитель, а с ними еще десять воинов – кто погиб, кто умер от болезней и ран. Добычи же оказалось столь много и дружина была так довольна, что те, кто остались, очень завидовали вернувшимся. Привезли рабынь – Олаф намеревался их с выгодой продать – а также вино, до которого все здешние мужчины были большими охотниками. Бонды¹⁸ не сомневались, что Олаф закатит настоящее пиршество.

¹⁵ Упланд, Рогаланд, Херланд – области в древней Норвегии.

¹⁶ Нево – старинное название озера Ладоги.

¹⁷ Гардарики, или «страна городов» – так скандинавы называли Древнюю Русь.

¹⁸ Бонды – владельцы крепких крестьянских хозяйств.

Рюрик встречал своего отца не у пристани, а у ворот дома, мать приказала ему стоять рядом, что очень не нравилось будущему ярлу. Сам он был в крашеной одежде, на ногах у него поскрипывали новые сапожки, мать расчесала и уложила ему волосы – и как ни хотелось ему раньше времени сбежать к кораблям, Астрид не дала своему сыну сделать этого: с детства учила она его степенности, которая отличает благородного от простолюдина. Вот только не удавалось мальчишке быть степенным, потому что от рождения он был беспокоен и горяч. Когда Олаф взял своего сына на руки и понес в дом, любопытный Рюрик сразу начал расспрашивать его об Асгарде – это весьма позабавило ярла.

Стали готовиться к пиру. Во время приготовлений кормчий Визард вот что сказал своему вождю:

– Корабли твои уже не новы, и те из них, которые дали течь, нужно бы подновить. Кроме того, неплохо построить хотя бы один новый дракон.

Ярл отвечал раздраженно – он-то знал, к чему клонит кормчий:

– Успокойся. И хотя бы на время позабудь о заботах...

Визард упрямо сказал:

– Надобно пригласить Рунга Корабельщика.

Как ни был против этого Олаф, Визард стоял на своем – с Рунгом нужно серьезно еще раз переговорить, может быть, вся эта блажь выйдет у него из головы, и он согласится построить корабли, какие еще строил Сигурду, – а уж то были славные корабли.

– Не знаю, придет ли он, – сказал тогда Олаф.

– А уж это я беру на себя, – ответил кормчий и отправился прямо к хижине Корабельщика, которая стояла у входа в фьорд, вдали от всех поселений и хуторов. О чем они там говорили, никто не узнал, но Рунг пришел к ярлу на пир, и вроде бы прежние обиды позабылись. Во время того пира за столами сидело еще больше воинов, чем во время первой ссоры. За Корабельщиком ухаживали, как за родичем. Ему первому налили вина и посадили недалеко от Олафа, он молчал, хотя от винца не отказался. В самом начале пира, пока еще не заплелись языки и головы собравшихся все слышали и запоминали, Олаф поднялся с места и сказал, повернувшись к мастеру:

– Нужны мне новые драконы. Старые поистрепались, расщеплены их борта. Нужен мне хотя бы один летящий по волнам легкий дракон. Неплохо бы добиться, чтобы подобно призраку возникал он из тумана и подобно призраку ускользал... Чтобы даже корабли Сутра¹⁹ не догнали его. Между прочим, того, кто сотворит мне подобное, одарю серебром более щедро, чем одаривал мой отец!

Рунг Фергюнсон по-прежнему молчал и потягивал себе вино, будто бы не к нему обращались. Ярл же начал терять терпение, встал из-за стола и подошел к Рунгу (то, что ярл Олаф пересилил свою гордость и обратился к мастеру примирительно, все те, кто сидел на том пиру, поняли и оценили). Визард благосклонно кивал, видя, как достойно ведет себя господин.

Молвил Олаф:

– Не твое ли жилище прохудилось настолько, Рунг, что звезды смотрятся в него, а снег падает на твой очаг? Барсук лапой может открыть твою дверь, а мыши повалят стены. Ты сам одинок, летом страдаешь от дождей, зимой от холода. Не обижайся, но даже твои родичи – племянник Торир Косолапый и его семейство – стараются с тобой не водить дело, даром, что давно перебрались из этих мест и нет от них ни слуху ни духу. И во многом я тебя не пойму – отчего не возьмешь топор даже хотя бы для того, чтобы построить себе приличный дом. А было – строил ты и корабли! Славные создавал драконы. Веселые над ними распахивались паруса. Отец мой утверждал, что никому не удавалось угнаться за ними, и кормчие легко управляли рулями, что были тобой сделаны... Кроме того, ты вырезал руны на бортах, и они были закла-

¹⁹ Сутр – мифическое существо, повелевающее огненными мертвецами.

тиями от многих напастей. А теперь не то дело: мои драконы идут тяжело, уже третий поход не могу я заполнить корабли добычей, и приходится ее оставлять, а это недостойно настоящего хозяина и господина.

Рунг сидел как ни в чем не бывало. Олаф же славился красноречием: недаром шла о нем слава как, ко всему прочему, и о хорошем скальде, сочинял он сам многие удачные висы. Поэтому он продолжал приплетать и Одина и Тора, и говорил весьма искусно. Он пел, да так, что воины и бонды восхитились:

– Все для походов имеют люди Бьеорк-фьорда. Кузнец Свард из рода Тугвансонов кует нам мечи, о которых многие знают в Упланде, а также на острове Барка и в Ирландии. Искусны его секиры... Фрида, дочь Стурлы Черноголового, тклет нам рубахи, да такие, что, прилегая к ранам, их лен затягивает те раны, в бурю и в дождь тепло их согревает гребцов и кормчих... Если бы иметь людям Бьеорк-фьорда еще и чудесные корабли, подобные тем, которые бывали у моего отца.

Олаф не стеснялся льстить мастеру; впрочем, все знали – что касается признанного мастерства Рунга, как бы ни старался ярл, все равно он не переборщил бы. Вот Олаф и признался:

– Нет больше по всем землям свободных ярлов, а также в земле Хальфдана Черного такого мастера, который есть в Бьеорк-фьорде. И на островах Запада хорошо наслышаны об этом. Кто же не знает тебя, Рунг? Кто не пытался за эти годы склонить тебя к строительству?... Но ты не притрагиваешься к топору. И напрасно! Визард постоянно хвалит тебя, и многие мои викинги будут готовы помочь тебе, стоит тебе только согласиться.

Рунг Корабельщик был упрям, как старый конь, и гнул свое по-прежнему. Он заявил:

– Не я ли говорил тебе, ярл Олаф, что отошел от своего дела, потому что нет среди людей фьорда истинно свободных? Но и в том случае, если таких в дальнейшем не сыщется, я готов построить корабль – правда, только тому, кто хотя бы отважится заглянуть за конец океана. Клянусь, я построю самую быструю птицу тому, кто отойдет от этих берегов не для разбоя!

Действительно, с головой Рунга Корабельщика, видно, было не все в порядке. Сидевшие на том пиру Хальдор, сын Торейра, Харальд Железное Кольцо, Торстейн – славный берсерк – а также остальные воины и весьма почтенные бонды помрачнели. Многие зашептались, что нечего взять с человека, который давно уже не в себе, и напрасно Олаф все это затеял.

Маленький Рюрик, бывший на том пиру, прислушивался к отцу и сурово смотрел на Рунга. А тот, между прочим, твердил как ни в чем не бывало:

– Истинная свобода в настоящем бесстрашии, тот, которого зовут Удачливым. Ты, дошедший до самого Миклагарда, если хочешь быть истинно свободным и заполучить корабль, – заберись-ка на вершину горы Бьеорк! Иначе не будет тебе корабля, хоть ты и уважаемый человек и большой викинг, что правда то правда.

Здесь даже сдержанная мать Рюрика, Астрид, привстала со своего места. Не стоило Рунгу говорить таких слов, ибо сказано уже было больше чем достаточно. Олаф даже задохнулся – вот в какое пришел негодование. Рунг сидел как ни в чем не бывало и бровью не повел, только бороду свою поглаживал. Он словно задался целью вывести всех из себя, и хорошо еще, что вино не загуляло во многих головах, потому что вряд ли бы это тогда снесли такие берсерки, как Торстейн.

Ярл Олаф, справившись с бешенством, повел себя здесь очень достойно, как и полагается благородному. Он все-таки сдержался и вот что сказал:

– Только потому, что строил ты корабли моему отцу, ты останешься жив, Рунг. Пользуясь своей старостью и прежней славой, изрыгаешь ты дерзости... Я тебя не трону, и мои воины не унизятся до того, чтобы наказать тебя за твою великую наглость... Но клянусь, если ты еще раз появишься на этом пороге, то умрешь раньше, чем откроешь свой рот. Ступай вон и больше не показывайся мне на глаза!

Рунг ответил совершенно спокойно:

– Я к тебе сюда и не напрашивался.

Визард схватился за голову: он очень беспокоился о кораблях и понял, что чинить и строить их теперь придется без помощи этого великого мастера.

Рунг Корабельщик ушел, и все некоторое время сидели подавленные, и никто не решался первым подать голос. Рюрик, хотя и знал про Ёрмунганда и прочих гадов, обитающих на краю света, не преминул спросить сидящего рядом Отмонда – а все для того, чтобы еще раз послушать:

– Что за концом океана, Отмонд?

Того не надо было дважды упрашивать. Отмонд принялся за свое. С готовностью, как знающий человек, он рассказал весьма подробно, что в конце моря за страной Великанов – Бездна: воды океана низвергаются в нее, подобно водопаду. Змей Ёрмунганд своим хвостом разносит в щепы те корабли, которые приблизятся к тайне Мира...

Затем не моргнув глазом поведал Отмонд, что Ёрмунганд в ярости глотает звезды, и вновь предупредил маленького ярла, что вход к той Бездне к тому же стерегут огненные мертвецы. Готов он был еще рассказать всякой всячины – Гендальф, сидящий по другую сторону от Рюрика, при этом одобрительно кивал и готовился добавить свое – но здесь вмешалась Астрид и недовольно молвила:

– Все-таки надобно было гнать Гендальфа этой зимой. Отмонду отныне я запрещаю проводить в доме вечера. Олафу нужен воин!

Рюрик тогда обратился к матери:

– Разве можно взобраться на вершину горы Бьеорк?

Астрид ответила сердито:

– Вредный старик. Совсем он выжил из ума. Сам не знает, что болтает.

Отмонд тут же вмешался и сказал, что Рунг такой богохульник, какого свет еще не видел: ведь сам он прекрасно знает – волки Фенрира сожрут того, кто лишь одной ногой вступит на вершину, и вороны выклюют глаза тому наглецу, а затем, вцепившись когтями ему в череп, к тому же выклюют мозг, и кожа сама слезет с него, и кости рассыпятся сами собой, и после этого все, что останется, Один и Тор низвергнут в самую глубокую пропасть.

И еще много чего успел бы Отмонд наговорить, но Астрид здорово рассердилась:

– Стоит ли сыну ярла забивать себе этим голову?

Здесь сам Удачливый вспомнил о сыне и, чтобы хоть как-то отвлечься, налил ему в рог из своего рога вина и положил перед ним огромный, сочащийся жиром кусок кабанины. Между прочим он заметил:

– Славным будет тот будущий конунг, который подобно Логи²⁰ пожирает добычу так, что стоит лишь хруст жил и костей. Тот, кто с детства восседает на пирах вместе с воинами, становится непобедимым. Узнаем, как ест и пьет маленький ярл!

И тогда Рюрик вцепился зубами в кабанину, подобно тому, как делают это воины, и оторвал добрую часть мяса. Проглотил он огромный кусок и потом глотнул из рога, и тогда бывшие на пиру расхохотались, и принялись есть и пить, и нахваливать маленького Рюрика. Тот же покраснел от удовольствия и сидел гордый.

Вскоре ярл Олаф взял сына с собой на один из своих кораблей, с тем чтобы привыкал он к морю, – и Рюрик вместе с отцом стоял на носу того корабля. Воины задорно гребли: Олаф Удачливый распорядился выдать им пива. Когда поднялся парус, Рюрик был счастлив. Он сказал отцу, что не хочет оставлять корабль и решил заделаться лучшим мореходом среди людей Бьеорк-фьорда. Ярл же этому только поддакивал и хохотал. Гендальф, уже оконча-

²⁰ Логи (не путать с Локи) – великан, который славился своим обжорством.

тельно выздоровевший, одобрительно кивал на слова Рюрика: ему также нравилось настроение будущего господина. Многие гребцы, поглядывая на сына Олафа Удачливого, отмечали, что, несмотря на качку и на то, что волна внезапно швыряет корабль, крепко стоит маленький ярл на ногах, словно с рождения ходит в походы, и – надо же – совсем не боится полететь за борт. Рюрик же облизывал губы, была на них морская соль. Мальчишка вглядывался в волны, стараясь увидеть Ран-Похитительницу. Холодная вода часто заливала и гребцов, и кормчего, но маленький ярл даже не ежился.

В том походе они погнались за стадом китов; погоня за чудовищами была скорее забавой, хотя дело могло закончиться скверно, – любой из китов легко мог подбросить корабль, да так, что от него и мокрого места не осталось бы, но недаром ярл славился своим хладнокровием – сын же, видно по всему, не отставал от отца. Несмотря на то что Визард серьезно встревожился, когда оказались они посередине огромного стада, он даже кричал Олафу, чтобы оставили они опасную забаву, Олаф, поглядывая на счастливого своего сына, словно ничего не слышал. Тем же, кто сидел на веслах, тоже все было нипочем, они все были молоды и беспечны, кровь в них бурлила. Временами, вставая, кидали они в китов дротики. Иногда от удачества ловили за лапы чаек, которые во множестве носились над кораблем, и хохотали, словно безумные, – словом, веселились на славу.

Рюрик просил, чтобы посадили его на весло, как взрослого гребца, и тогда то один, то другой воин Олафа уступал ему свое место – мальчишка старался грести наравне со всеми и от усердия высовывал язык – это всех забавляло. Визард, не одобряя такое ребячество, вздыхал и, постоянно мыслями возвращаясь к Рунгу, продолжал твердить, что совсем не те сейчас корабли у ярла, какие прежде были у его отца и деда. Визард клялся, что в сравнении с кораблями, которые строил этот старый упрямец, даже самый быстроходный и легкий дракон Бьеорк-фьорда кажется тяжелым и неповоротливым.

Когда, натешившись, они наконец повернули к берегу и показалась известная всем гора, воины бросили весла, поднялись и обратились взглядами к той горе. Сам ярл Олаф сделался серьезен. Рюрик все никак не мог уговориться, он подобрался к кормчему и спросил:

– Отчего бросили весла?

Визард серьезно отвечал:

– Если хочешь всегда возвращаться в Бьеорк-фьорд, бросай руль, когда покажется вершина Бьеорк-горы, бросай весло, если оно у тебя в руках, и вставай со своего места... Тебе ли этого не знать, будущий господин фьорда?

Тогда, увидев, какие лица сделались у тех, кто еще совсем недавно так смеялся, и сквернословил, и не боялся самой Ран, Рюрик притих. Гендальф едва шевелил губами, выпрашивая у Одина удачи, и по всему было видно, что и скальд боится той горы. Все смотрели на ее вершину, и Рюрик тоже смотрел – а была она гладкой и лысой, и ничего не росло на ней.

Наконец ярл Олаф взял свой рог по имени Фар и затрубил в него, и дружинники вновь оживились и сделались веселыми – корабль уже шел по Бьеорк-фьорду. Рюрик все еще задирает голову на гору, тогда Гендальф наклонился к нему и сказал:

– Не заглядывайся слишком долго на вершину. Боги не любят, когда на них заглядываются.

Рюрик сказал, что хочет увидеть волков Фенрира, тогда Гендальф заметил, что увидеть их нельзя, потому что они не показываются простым смертным. И на том закончили они разговор о Бьеорк-горе.

Ярл Олаф мечтал, чтобы из его сына получился настоящий викинг, и уготовил Рюрику неожиданное испытание: оглянувшись на воинов, внезапно схватил он своего сынка да и бросил его за борт. Рюрик с головой ушел в воду. Несколько воинов кинулись к борту, готовые вытащить мальчишку, если тот перепугается. Но, вынырнув, Рюрик сразу же вцепился в опущенное весло и так на нем повис, что невозможно было его отодрать, – в глазах у него не было

никакого страха. Это всем понравилось, а более всех его отцу. Когда же его вытащили из воды, никто и не думал набросить на него плащ или еще какую одежду – он должен был привыкать к холоду. Рюрик, хоть и бил его озноб и зуб на зуб не попадал, как ни в чем не бывало пробрался на нос корабля – и был лишь тем недоволен, что они возвращаются. Тогда воины, чтобы поразмяться, позабавиться и похвалиться друг перед другом, взялись прыгать за борт на поднятые весла и перебегали по ним от носа до кормы. При этом каждый старался ловко запрыгнуть обратно на корабль. Среди прочих здорово умел это делать Сигурд Длинный Нож, а за ним прыгнули и пробежали по веслам не последние удалыцы – Фруд, Хьяльти, Торгильс Меченый и Торхалль, берсерк из Ланникс-фьорда, а также Эйнар Птица – все они ловко перебирали ногами и тем вызвали восхищение ярла. Гендальф также взялся пробежать – и ему удалось это сделать, он ни разу не поскользнулся. Все тогда закричали от восхищения, потому что любили его за веселый нрав и за его висы. Бросился тогда бежать толстяк Дормунд, который на своем животе мог преспокойно выдержать с дюжину бойцов и кулаком свалить медведя. Одним ударом остановил он однажды взбесившуюся лошадь – вот каким он был. А ярл Олаф был большой шутник – по его знаку два воина опустили весла – Дормунд так шлепнулся, что, казалось, в море сошла целая скала. Тяжесть его оказалась такова, что мгновенно скрылся он и, видно, достиг самого дна. Олаф приказал остановить корабль, и все бросились к бортам. В то же время берсерк, слывший к тому же смышленным и хитрым, вынырнув у самого днища, схватился за руль и остался долгое время невидим, пока все его искали. Два дружинника даже бросились в воду, а он смеялся над суматохой, прижимаясь к корме; наконец хитрость его обнаружили, и все немало этим восхитились.

И все это делалось ярлом Олафом для того, чтобы видел будущий ярл сноровку и ловкость своих людей и привыкал к будущим походам. Теперь каждый раз брал он с собой в море Рюрика и распорядился, чтобы наравне со взрослыми его малолетний сын закидывал сети, привыкал к веслам, вычерпывал воду и делал многую другую необходимую работу. Видя это, люди фьорда одобрительно отзывались о ярле Олафе и хвалили его предусмотрительность. Рюрик же к седьмой зиме своей жизни весь пропитался морской солью и волосы его совсем выбелились солнцем – он сильно возмужал и выглядел старше своего возраста. Все хвалили его цепкость и сноровку, все видели, что из него растет отличный викинг.

Пробыв две зимы в Бьорк-фьорде, Олаф набрал из многих северных фьордов новых воинов. К нему также примкнули известные викинги Торгильс Меченый и Хьяльти. На десяти драконах Удачливый напал на ярла Снурри Олфинсона, человека жестокого и не особо умного, с которым раньше ходил не в один поход. Во время последнего похода к Ирландии ярлы поссорились из-за добычи – Снурри показалось, что ему и его людям досталось слишком мало, – и Снурри поклялся во всеуслышание, что разделается с Олафом. Однако не тут-то было. Олаф опередил тугодума, послав к нему хитроумного Варка, который, прикинувшись перебежчиком, сообщил, что Удачливый на одном лишь драконе с большой добычей тайно заглянет в Фригт-фьорд, где и собирается ее схоронить. Фьорд тот был пустынен, там никто, кроме птиц, не жил. Снурри тому сразу поверил, так как был, ко всему прочему, и очень жаден, и сообразил, что сразу может убить двух зайцев. Сам он с тремя драконами отправился в тот фьорд, но Олаф уже поджидал его у прибрежных скал. Началась тут битва, и море забурило от крови. Один в тот день ликовал – не меньше сотни воинов поднялись в Асгард – и среди них одураченный Олфинсон. Со стороны Олафа Удачливого людей погибло не так и много, но ярла удручила гибель самого Варка: тот схватился с тремя воинами Снурри и одному снес голову секирой. Другого же убил его собственным щитом, используя для этого тайный прием. И схватился с третьим – настоящим великаном и берсерком, лучшим воином Снурри Олфинсона, – и поразил его мечом. Но здесь, как говорят, сам Один пожелал в тот же миг увидеть у себя подобного удалыца. Сразу три копья вонзились в героя, и он скрылся в волнах, и это была большая потеря.

Воины Олфинсона яростно сопротивлялись, но два их дракона были взяты Удачливым, а третий получил течь, наткнувшись на подводную скалу, и затонул. Никого из воинов Олфинсона Удачливый не взял в плен, ибо ему казалось постыдным забирать в рабство столь доблестных противников, пусть даже израненных. Он приказал всех оставшихся – тех, кто еще был жив, но уже не мог сражаться, – отправить в Асгард. Многие из тех героев встретили свою смерть достойно, отдав должное ярлу, – ведь он выказал к их героизму большое уважение. Некоторые из них сами бросились в морскую пучину, чтобы избежать последних ударов мечом или секирой. Олаф захватил при этом много оружия, а также шлем самого Снурри с посеребренными надщечниками.

Затем Олаф с двумя десятками драконов пришел к берегам Шотландии и разорил многие прибрежные селения. Там его воины захватили немалую добычу. Гендальф, бывший в том походе, сочинил такую вису:

Жалких долин Хранителей
Поглотили Драконы Моря.
Дорогами Рыб пришли
Асы Металла.
Лучших Волков Приливов
Имеет бьеоркский ярл.
Ведьмы Брани у каждого стража
Вели послушно себя.
Крушители Бранных Рубашек
Немало здесь позабавились.

Нужно сказать, что никто из вражеских воинов не мог сравниться с воинами Удачливого. Берсерки убивали их играючи и забавлялись этим. Так, берсерк Дормунд с двумя мечами вырывался вперед во многих битвах и тщетно искал себе равных соперников. Всякого, кто попадался ему – в броне или в кольчуге, со щитом или без, с мечом, секирой, топором или с рогатиной, – он рассекал до пояса – мечи его пробивали кольчугу, броню и любую другую защиту. Врываясь в круг врагов, он всех их убивал, все ему было нипочем, даже стрелы и дротики отскакивали от него. И приходил он при этом в такое бешенство, что и свои бросались прочь, потому что он убивал всякого, кто попадался у него на пути. После битвы приходилось набрасывать на него сеть и вязать по рукам и ногам, но и тогда, связанный, пускал он пену, изрыгал проклятия и грыз землю. Таких берсерков, как Дормунд, у Олафа было предостаточно.

Кормчий Визард, управляя кораблем Удачливого, по-прежнему ругался на нынешние драконы ярла и твердил с большой горечью:

– Словно старые клячи, тащатся они по волнам, и любая грозит захлестнуть их, удивляюсь еще, как не прибрал эти деревяшки Эгир... Видно, они ему не нужны. Вот корабли Рунга Фергюнсона – славные птицы, от самой тяжелой добычи не оседали... И когда летели по волнам, словно расправляли крылья!

Олаф предпочитал не слушать своего кормчего. Он отправил драконы к берегам Франции и взял несколько прибрежных городов. Викинги ярла пускали через стены огненные стрелы, и огонь очень сильно им помогал. После того как пожар разгорался, они врывались в город и брали добычу. Когда волоком от реки до реки они тащили свои корабли, Визард продолжал упрямо твердить:

– Словно пушинки были корабли Рунга Корабельщика. Эти же – неподъемные камни: подгибаются ноги у силачей, когда пробуют их поднять на свои плечи.

Он сокрушался, что Рунг не строит теперь корабли, и почти все время ворчал.

Взяв большую добычу во Франции, Олаф решил остановиться на одном из островов Сены и обдумать, что делать дальше. На том острове его воины немного отдохнули. В то время Олаф узнал, что в Англии саксы собрали большое войско и флот и ждут не дождутся, когда он вновь появится у тамошних берегов. Торгиль Меченый и Хьяльти советовали ярлу не искушать судьбу. Со своей стороны, саксы решили пойти на хитрость и оставили приманкой селения на южном побережье; жители тех селений разводили на берегу костры, с тем чтобы привлечь внимание викингов. Корабли саксов прятались в заливах недалеко от тех мест, готовые отрезать пути к отступлению драконам Олафа, как только те пристанут к берегу. Прежде удавалось саксам так отбивать охоту у датчан, но не зря прозвали Олафа еще и Бесхвостой Лисой. Пристав к земле за много заливов от поджидавшего его флота, оставив корабли в надежном месте, за одну ночь с отрядом воинов ярл подкрался к селениям с суши. Бежали он и его люди налегке всю ночь, не взяв ни тяжелых щитов, ни кольчуг, – одни мечи и секиры были с ними. Утром ворвались они в самую середину вражеского лагеря и перебили многих, тех же, кто еще оставался, загнали на утес и там всех перерезали, как овец. Битву эту потом так и называли: «резня на Овечьем Утесе». Затем принялись они искать добычу в селениях и сожгли там все дома, а женщин и детей, попадавшихся им, убивали, потому что были очень ожесточены. В церкви, которая там стояла, нашли много спрятанного золота и серебра и церковь сожгли вместе со священником и всеми теми, кто в ней прятался, – и вернулись к своим кораблям живыми и невредимыми, и очень гордились ярлом и его смекалкой. Торгильс Меченый и Хьяльти признали великую хитрость Олафа.

Саксы затем пытались их нагнать в море, но то оказалось безнадежным делом, так как корабли у саксов были очень тяжелые и неповоротливые. Олаф же здорово обогатился, и после того похода говорили, что его воины уже тогда сидели на золоте и серебре, – однако Удачливый не унялся. Следует добавить, что уже к тому времени одежда людей Олафа сделалась черной от чужой крови и были они настоящим проклятием в Англии и Шотландии; все их проклинали, боялись и пугали ими детей.

Олаф провел свои корабли в южные моря и напал на Италию. Там добычи набрали столь много – потому что население бежало и оставляло свои дома и имущество на всем побережье, – что случалось и такое: выкидывали прежде набранное и хватали более ценное. Говорили про тот поход, что драгоценные камни и монеты покрыли днища кораблей, воины Олафа ходили в золоте по колено. Среди добычи самого ярла ко всему прочему оказалась золотая цепь, а на ней крест, усыпанный драгоценными камнями.

Не всякий мог ее носить, не сгибаясь под ее тяжестью. Для Удачливого же она была словно пушинка.

Сын Олафа, Рюрик, оставшийся дома, научился лазать по скалам с удивительной ловкостью и сноровкой: этой его ловкости очень многие поражались. Забирался он туда, куда никто до него не мог забраться – на самые отвесные скалы, – и набивал свою суму пухом, и часто, из озорства, разорял птичьи гнезда. Никто не мог с ним в этом сравняться.

Его матери доносили, что юный ярл наверняка понадобился богам, раз он не считается ни с какой опасностью. На это Астрид отвечала, как и подобает жене ярла:

– Бьорк-фьорду нужен настоящий господин!

Между тем двое мальчишек, сыновья старого Торфинна с Бычьего Хутора, здорово разбились, когда однажды задумали полезть следом за ним, – и после этого никто уже не решался лазать по скалам вместе с Рюриком, он же был словно заговоренный. Он сам научился плавать – прыгал со скалы в море, нырял очень глубоко и долго не показывался на поверхности, пока те, кто находились с ним, не начинали волноваться; и их тревогам не было конца. Будучи девяти лет от роду, проплыл Рюрик Бьорк-фьорд до самого моря. Женщины уверяли друг

друга, что здесь, видно, не обошлось без заклятий Отмонда. Не иначе он так колдует, что все Рюрику нипочем. Недаром постоянно Отмонд околачивается в доме ярла.

Кузнец Свард, как и было заранее уговорено у него с Олафом, принялся ковать Рюрику меч. Свард считался лучшим кузнецом во всей округе, но нравом отличался независимым и не любил, когда его отвлекали от работы и без дела заглядывали к нему в кузню. Летом работал он с утра до вечера, прислуживал ему подмастерье, которого звали Скегги Немой. Еще ребенком Скегги во время грозы так испугался раската грома, что немного повредился в рассудке и с тех пор не произнес ни одного слова. Кузнец взял его к себе, потому что уж очень хотел этого отец Скегги – Кетиль Сухая Рука. Кетиль даже отдал кузнецу нескольких жирных овец – лишь бы тот присматривал за сыном и учил делу.

Когда Рюрик узнал, за какую работу взялся Свард, несмотря на то что затаил он на кузнеца обиду, все же не мог удержаться – любопытство его прямо-таки жгло. Свард же, заметив подглядывание, сказал, как бы ни к кому не обращаясь:

– Беда будет, если у будущего господина отрастет слишком длинный нос...

Рюрик не уходил и продолжал заглядывать. Свард тогда сказал:

– Впрочем, нос у него уже вырос! Не прищемить ли мне его своими щипцами?

Таким непочтением привел он Рюрика в настоящую ярость, никто с ним ранее так не общался. Позабыв о гордости, Рюрик ворвался к матери, не обращая внимания на людей, которые тогда находились в доме, – Астрид всем им давала указания. Она даже в лице не изменилась – она была уважаемой женщиной и настоящей женой такого знаменитого человека, как ярл Олаф, и умела держать себя в руках. Только после того как Астрид распорядилась со всеми, она повернулась к сыну. Она сказала, что сыну ярла не пристало трястись как в лихорадке. Рюрик в запальчивости крикнул:

– Как смеет этот Свард так обходиться со свободным?

Он еще долго кричал и грозился убить Сварда. Астрид на это заметила довольно холодно:

– Для этого надобен меч. Жди, пока кузнец не скует его тебе. А пока умерь свой пыл и займись чем-нибудь другим.

Рюрик все никак не мог унять – упрямо продолжал ходить возле кузни. Любопытство совсем его замучило, так навалилось, что не смог он сдержаться и вновь попытался незаметно заглянуть, но Скегги Немой, который помогал кузнецу, прислушался к едва слышному шороху за навесом. Скегги потянул Сварда за рукав. Тот, очень рассердившись, пообещал, что если сын Олафа по-прежнему будет соваться, то он, Свард, прижмет ему зад раскаленным прутком. После этого Рюрик и поклялся, что разделается с кузнецом Свардом при первой же возможности.

Свард же не преминул рассказать обо всем Астрид. Она очень сурово выговаривала сыну за его нетерпение – ей тоже очень не нравился буйный нрав Рюрика. Она говорила Хомраду, что этого молодого бычка придется держать на короткой привязи, и строго-настрого приказала Рюрику больше не подходить к кузне. Сам же Свард часто присылал к Астрид своего помощника, и та насыпала в его суму горячих лепешек, давала оленины, кабаньих окороков и не жалела пива.

Рюрик в ожидании меча сложил такую вису:

Кто я, как не Дробитель Дождя ладони?
Улль Грома Металла!
Кормилец будущий Воронов?
Как не проси меня Фрея Понизей,
Как Диса Злата не отговаривай,
Сшибки Мечей Вершитель
Отправит к Стражнице Павших

Проклятого кузнеца!

Смирившись на время, он бродил в лесу у подножия Бьеорк-горы и все старался увидеть лесных карликов или эльфов, и у каждого ручья, когда показывалась из воды спина рыбы или выдры, останавливался и глядел во все глаза. Кроме того, пытливый сын Олафа желал увидеть золотого кабана Фрейра²¹ – но так ничего и не увидел и очень досадовал. Однажды он спросил Отмонда с большой при этом надменностью:

– Почему мне не попадаются золотой кабан или лесные карлики? Я заглядывал ко многим ручьям. Тебя послушать, Отмонд, все вокруг прямо-таки кишит эльфами и великанами. Или тебе одному дано это видеть, а мне не дано?

Отмонд так отвечал:

– Тот, кто хочет увидеть богов или какую-нибудь нечисть, тот их и видит! Значит, твоего хотения еще недостаточно, иначе ты бы не приставал ко мне с подобными расспросами. Скажу только – нечего тебе делать у горы Бьеорк!

Астрид, услышав этот разговор и поглядев на сына, решила, что хватит ему болтаться без дела, – она запретила Отмонду впредь даже речь заводить при ней о чудесах и превращениях. И на следующий же день отослала Рюрика с рыбаками в море. Атли и Гримвольв Сеть учили его охотиться на тюленей, а кроме того, вылавливать огромных рыб, которых называли «посланницами Ран». Нужно было обладать недюжинной силой и ловкостью, чтобы вытащить в лодку хотя бы одну такую рыбину. Рюрик и ходил теперь с Атли и Гримвольвом целыми днями. В то лето он весь пропах рыбой. Попал он однажды на корабле в большую непогоду и вел себя достойно, несмотря на то что дело пошло совсем скверно: появилась течь, и вода прибывала и прибывала. Вместе с другими Рюрик ее отчерпывал – и в то время, когда остальные сильно утомились, продолжал работать, да так, что рыбаки удивлялись его силе и выносливости. Правда, уже в то время Рюрик охотно выполнял только ту работу, которая ему нравилась или была необходима. То, что он не хотел делать, он и не делал, и никто не мог его заставить или приказать ему – и не только оттого, что являлся он сыном ярла – такой уж у Рюрика оказался характер. Астрид думала, что после моря ее сын будет валиться с ног и спать как убитый, да не тут-то было, и когда он приходил, то, поев, садился возле огня – и уж ко всему прислушивался, о чем болтали старики. Из старых викингов в доме тогда жили Эльвир, Эйф Сторож да Хомрад, и под вечер они давали волю языкам не хуже Отмонда с Гендальфом. Правда, рассказы их были бесхитростны, но Рюрик серьезно слушал их до поздней ночи и ни за что не хотел ложиться – стариков же изводила бессонница. Они много чего ему порассказали из того, что видали на своем веку.

И между прочим вспоминали распри среди самих ярлов и до сих пор горевали о ярле Гриме, погибшем от руки прежнего союзника своего, ярла Кольбейна Тонкая Кожа. К несчастью, так часто поступают свободные ярлы: вот только что сражались бок о бок, а стоит не поделить добычу или еще что-нибудь не поделить – готовы нож воткнуть в спину. И ничем ведь не гнушаются, как ярл Кольбейн! То была бесславная для Кольбейна битва, потому что напал он ночью на сонных и перебил бывших вместе с мужьями женщин. Хомрад, кроме того, вспоминал, как отнесло однажды их лишившийся руля и паруса дракон к Исландии, да так туго тогда сделалось с пищей, что пришлось питаться ему и его людям умершими товарищами. Встречались Хомраду в плаваниях драконы, набитые мертвецами: мертвые гребцы сидели на веслах, и мертвые кормчие не выпускали руля из своих рук. А еще Хомрад жаловался Рюрику не раз, что завидует тем своим товарищам, кто давно уже ест и пьет на небесах. Он вздыхал, что нет ничего тяжелее доживать свой век беззубым и дряхлым, словно пустой мешок, да еще

²¹ Фрейр – скандинавский бог, священным животным которого считается Золотой Кабан. Встретить Золотого Кабана Фрейра считалось большой удачей.

и по чьей-то милости, пусть даже по милости такого благородного ярла, как Олаф Удачливый, который помнит все его, Хомрада, прежние заслуги. Эльвир и Эйф Сторож ему поддакивали; кроме того, старики жалели, что вся добыча, которая к ним попадала в походах, протекла сквозь пальцы и развеялась дымом, остались проржавевшие мечи, да что в них сейчас толку!

Пришла осень – когда дожди полили не останавливаясь, Атли и Гримвольв перестали выходить в море. Астрид старалась найти сыну занятие по дому, но то, что ему не нравилось, Рюрик не делал, как его ни упрашивай, и Астрид очень сердилась на него за это. Между тем дожди пошли такие, что приходилось днями сидеть в доме, и хорошо еще, что гора Бьеорк закрывала фьорд от северных ветров. В ту осень случилась поздняя гроза – после нее, когда немного расчистилось небо, Хромой Бранд, работник с хутора Гудмунда Рыжего, увидел над Бьеорк-горой радугу и клялся, что одним своим концом радуга уперлась в вершину горы и так сверкала, что больно было на нее смотреть. Впрочем, никто, кроме него, подобного чуда не заметил, и к рассказу работника отнеслись с большим недоверием.

Свард не спешил со своей работой, видно, здорово рассердился на упрямство сына ярла. Астрид всякий раз, когда от кузнеца приходил Скегги, угощала его и давала с собой еды и горшок, до краев наполненный пивом. Не утерпев, Рюрик спросил Хомрада, долго ли куются пусть даже самые лучшие мечи, – тот отвечал, что, видно, у кузнеца сейчас дела поважнее, – вот он и отложил работу. Рюрик тогда сверкнул глазами и вот что сказал викингу:

– Что же может быть важнее, чем меч для будущего господина?

И вел себя при этом настолько вызывающе, что Хомрад только головой покачал. А Отмонд как назло тем же вечером взялся рассказывать о мече, который Свард выковал чуть ли не за одну ночь некоему Торду Лыняной Волос из Упланда. Кузнец передал меч Торду со всей торжественностью и почтением – на рукояти того меча Свард вырезал руны, а сам меч был так остр, что опущенный в ручей, легко перерезал плывущую по течению овечью шерсть.

Рюрик после этого места себе не находил. Правда, ему недолго оставалось ждать – в один из дней Свард прислал немного Скегги. Тот, как обычно, поклонившись Астрид, не стал на сей раз дожидаться подачи, а подбежал к Рюрику и, схватив за рукав, довольно бесцеремонно потащил за собой. Рюрик очень этим возмутился, но Астрид приказала ему послушаться и ступить за немым.

Скегги подвел его к кузне, да и оставил возле нее. В то время шел сильный дождь. Рюрик вымок, сделалось ему холодно, он здорово замерз и негодовал. Кузнец долго заставил себя ждать – лишь когда сын Олафа совсем взбесился, вынес ему чудесно выполненный меч в ножнах. Те ножны были окаймлены разными украшениями. А рукоять меча Свард изготовил из моржовой кости с янтарем и к тому же покрыл ее золотом и вкрапил в нее драгоценные камни. Кузнец вытащил меч из ножен и показал его сыну Олафа. Держал он его, словно пушинку, в своей ручище.

Отдав меч Рюрику, он спросил, усмехаясь:

– Я слышал, ты собирался убить меня. Что же, теперь попробуй.

Рюрик так взъярился, что себя не помнил, – но меч оказался настолько тяжел, что мальчишка с трудом мог его удержать. О том, чтобы нанести им достойный удар, не могло идти и речи. А Свард смеялся и вот что говорил:

– Слова не должны расходиться с делами. Запомни это, будущий господин. Попробуй-ка ударить меня.

Рюрик собрал все силы, замахнулся, но опомниться не успел, как выхватил Свард щипцы, которые висели у него за поясом, и выбил тот меч. Меч воткнулся в землю, а Свард сказал:

– Придется тебе еще потрудиться. Научись сначала держать его. И пока не научишься как следует им владеть, будет он без имени, потому что недостойн имени даже такой меч в руках, подобных мягкой глине.

И скрылся у себя в кузне: он, видно, как нарочно взялся изводить сына ярла – и все сходило ему с рук. Рюрик в гневе направился к матери, а там у ног ее сидит Отмонд. Вот на него-то он и обрушился и сказал много гневных слов. Он припомнил также с упреком:

– Не ты ли пел, как позвал Свард викинга Торда и был с ним почтителен. А мне Свард сунул меч, словно простую палку, и продержал меня на дожде так, что я весь вымок.

Астрид сердито ответила:

– Первое умение, которым должен ты, сынок, обладать, – терпеливо ждать, да так, как белый медведь ждет свою добычу. Он лишь там проламывает лед, где таится тюлень...

Тем временем Хомрад, Эльвир и Эйф слезли со своих сундуков и, рассматривая меч Сварда, не смогли скрыть восхищения. Они очень хвалили кузнеца за такую работу. Эльвир спросил Рюрика:

– Отчего тебя так полюбил кузнец? Нужно сильно любить, чтобы сотворить такое. В этом мече заключена, видно, особая сила – недаром он так тяжел. Смертоносен он будет лишь в руках того, кто научился им как следует владеть.

Хомрад тоже согласился с Эльвиром и сказал:

– Свард чувствует будущего господина Бьорк-фьорда. Поверь, Астрид, ни у кого нет и не было еще такого дара. Теперь же меч должен заслужить себе имя.

Потом Хомрад достал свой меч по имени Вир и вот что сказал Рюрику:

– Вир мой хорош – возьми его и почувствуешь, что он намного легче меча, который выковал тебе Свард. Однако надобно знать, как держать и его. Тут есть тайна. Если ею овладеть, можно будет твоим, как и моим мечом, рассекать самую прочную кольчугу и разбивать любой шлем. Можно будет деревянные щиты разрубать пополам.

Рюрик спросил в нетерпении:

– Что это за тайна?

Хомрад сказал:

– Там внизу у фьорда множество валунов. Каждый день бери их, сколько сможешь, и перетаскивай к поляне, на которой собираются для игр люди. Огороди камнями ту поляну – вот тайна и будет раскрыта.

Рюрик тогда сказал:

– Ты предлагаешь мне просто-напросто таскать камни для изгороди? Лучшего ничего не придумал?

Хомрад тогда ответил:

– Помнишь изгородь по обеим сторонам той дороги, что поднимается от пристани к хутору Бычья Шея? Там выложены тяжеленные валуны. Дед твой, Сигурд, открыл свою тайну и сделался славным силачом: легко одними руками мог переломить хребтину самому свирепому волку, а закаленные щипцы гнул играючи – никто с ним по силе не мог сравниться.

Рюрик воскликнул:

– И что? Таскать эти проклятые камни?

Хомрад тогда рассердился:

– А что ты хотел? Изгороди возле поляны будет достаточно.

Хомрад, как мог, пытался приструнить мальчишку, который, как ему казалось, вел себя уж слишком нагло, – впрочем, так оно и было. Многие уже тогда говорили, что у сына ярла характерец еще тот. Рюрик же понял, что над ним издеваются, и замолчал.

Прошло так много дней. Однажды Хомрад сказал Астрид:

– Не спится мне. И вот что я стал замечать: пока весь дом храпит, твой сынок уже на ногах ни свет ни заря. Занят он, я думаю, тем, что таскает камни для поляны, пока люди ничего не видят. Я вижу, он упорен и слова для него не проходят даром. Как бы впрямь не убил бы он трудягу Сварда.

Астрид на это засмеялась, а Хомрад добавил:

– То-то старуха Эдриль рассказывала о том, что кобольды совсем разрезвились и по ночам стали огораживать поляну для игр камнями. А самые большие валуны якобы помогает им таскать Синдри – и ведь клялась, что все это видела своими глазами. Интересно, что скажет Отмонд на это, ведь он мастер, кроме всего прочего, рассказывать и всякие побасенки.

Изгородь вокруг поляны действительно принялся возводить сын Олафа: был он уж очень упрям и торопился стать таким же силачом, как и его дед. Нужно это ему было, прежде всего для того, чтобы отомстить кузнецу. Он без устали таскал камни один за другим и вскоре мог поднимать тяжеленные валуны. Многие замечали, что камни возле поляны вылезали, словно грибы из-под земли. Их выросло там уже достаточно за ту осень.

Хомрад сказал Астрид:

– Наблюдаю я, Рюрик легко перекачивает в погребке бочки и охотно берется за самые тяжелые бабьи – его не надо упрасивать: не брезгует помогать и рабам. А все оттого, что желает похвалиться перед всеми своей силой. Горячность его меня забавляет: словно жеребец раздувает ноздри, если кто пытается ему перечить. Знал я ребенком и твоего мужа, но этот горд не по годам. Возможно, быть ему не последнему среди силачей.

Астрид смолчала, но видно было, как она благосклонно слушает.

К той зиме ярл Олаф Удачливый привел свои корабли. Его драконы, словно смолой, покрылись почерневшей кровью: а все оттого, что родич того самого убитого им ярла Олфинсона, которого звали Вирге, подкараулил Олафа совсем недалеко от Бьорк-фьорда. Вирге долго скрывался за скалами, ожидая возвращения Бесхвостой Лисы. Кроме Вирге поклялись отомстить ярлу еще несколько кровников; собралось не менее двадцати драконов, и все собравшиеся настолько желали покончить с Олафом раз и навсегда, что без устали всматривались в море, сменяя друг друга, и жалели лишь об одном – что греки или саксы могут их опередить. Посылали они в море караульные лодки, чтобы в тумане не проскользнул их общий враг. Хотя люди Олафа и были все как один храбрецы, однако они устали от похода. Чуть было не случилось несчастья, но Один решил позабавиться настоящей схваткой и не пожелал, чтобы Олафа и его людей просто-напросто перебили бы сонных. Ранним утром, как только начал уходить туман, Визард заметил неладное и закричал что есть силы. Крик этот спас Олафа и его воинов, потому что со всех сторон спешили к кораблям Удачливого враги. Гребли они бесшумно – еще немного – и все бы погибли. Так же повскакали все, кто как мог, с секирами и мечами, и такая тут началась славная битва, что борта кораблей сразу же залились кровью. Сам Удачливый был первым среди первых, и никто не мог против него устоять – не раздумывая, бросался он на врагов и убил многих. И так разъярился, что все перед ним расступались. Тогда один из врагов Удачливого, Эндотт Волк, перед этим зарубивший берсерка Дормунда, стоя рядом с Вирге, сказал ему: «Пришел, видно, мой черед проломить голову бешеному Олафу». И с этими словами, видя, что все отступают от этого великого воина, с щитом и секирой бросился на ярла. Пытался он достать Удачливого, да только Олаф его опередил. Эндотт Волк поднял слишком высоко свой щит и тотчас пожалел об этом, потому что ярл Олаф ударил его мечом по ноге и отрубил ее. Эндотт еще стоял какое-то мгновение и, прежде чем повалиться, заметил: «Нужно было прикрыться щитом пониже. Ну, что же, пришел мой конец». Вирге ответил сердито: «Стало быть, пришел. Ноги-то нет». Здесь Олаф схватил Эндотта Волка за длинные волосы и отрубил ему голову – так погиб этот храбрец и лучший воин Вирге, и голова его полетела в море. Ярл Олаф также слышал последние слова Волка и пожалел, что Эндотт не был его воином.

Несмотря на то, что многие люди Олафа были к тому времени убиты или ранены, никто с Удачливым так и не смог ничего поделать – родичи и союзники Вирге отступили, потеряв многих своих людей. Вирге решил с тех пор искать помощи и поддержки у конунга Хальвдана.

Корабли Олафа возвратились в Бьеорк-фьорд, но на них лежало много мертвецов, каждый из оставшихся в живых греб за двоих, и корабли еле добрались. Хотя и привез с собой ярл немалую добычу, но это была лишь часть из того, что пришлось ему либо выбросить, либо схоронить в пустынных фьордах.

Когда взялись раскладывать погребальный костер, то приказал Олаф вытащить на берег свой лучший корабль. Визард тому сильно воспротивился:

– У нас не будет возможности построить другой такой корабль. А все оттого, что окончательно испортили мы отношения с Рунгом. И хотя не наша вина в том, но корабли, пожалуй, строить он нам не станет... Так стоит ли безрассудно отправлять в огонь «Змею»? Возьми хотя бы «Кита». Это старый корабль, и мы замучились его чинить.

Ярл ответил во всеуслышание:

– Гора Бьеорк не простит, если я отделаюсь худшим своим кораблем. И новые сыны фьордов не придут на мой зов в дальнейшем, если не пожертвую сейчас самым дорогим, что есть.

Прозорливость ярла Олафа была известна, только Визард сокрушался и все никак не хотел отступать. Однако Олаф стоял твердо на своем решении, зная, что многие после такого поступка будут говорить о щедрости Олафа и о том, какое уважение оказал он погибшим. Вытащили «Змею», посадили на лучший корабль всех павших в той битве. Шлем каждого ярл приказал доверху наполнить серебром – воины, бонды и работники одобрили такое решение.

Старый Хомрад, недовольный быстрыми приготовлениями, вот что сказал:

– Твои отец и дед приготовили бы глубокую могилу и в нее погрузили бы корабль, а также насыпали бы над нею курган, подобно кургану, который возвели после битвы с Нарви Поединщиком, а тогда погибло куда больше воинов, чем сейчас.

Он негодовал на такую спешку. Олаф, недовольный тем, что все слышат, о чем говорит Хомрад, ответил старику:

– В земле фьорда столько камней, что затупятся лопаты и заступы, кроме того, у меня нет времени на проводы. Вирге побежал жаловаться Хальвдану, и догадываюсь я, что мне готовит конунг. Нужно успеть окликнуть новых воинов – ты же отойди и не мешай, дай мне достойно проводить своих храбрецов.

Однако упрямый викинг продолжал гнуть свое, и, если бы не был Хомрад таким старым, – не избежать бы ему неприятностей. Он твердил заупрямившись:

– Лишь в чужой земле, да и то, когда грозила опасность, позволяли себе твой дед и отец сжигать убитых в спешке.

Олаф очень рассердился и ответил:

– Грядут веселые дни, это уж я знаю точно. На первый пир меня уже пригласили припешники Хальвдана, и я вдоволь наелся, не хуже Логи, и едва мог переварить обильную пищу. Постарались они, и не было недостатка в лакомстве. Хозяева же ухватили только объедки со столов, которые мне и приготовили, – на каждого своего викинга я обменял не менее трех их силачей – и, видно, Вирге остается голодным, и своих волков так досыта и не накормил. Не терпится ему вновь приготовить мне угощение. Так что пусть те, кто сейчас на «Змее», быстрее отправятся на пиры. У нас здесь скоро будет довольно работы...

Но старик был упрям; он от дряхлости качался, однако страшно сердился, что не слушают его советов:

– Не дело ты задумал, торопясь побыстрее распрощаться с мертвецами. Ты второпях усадил всех за весла, не удосужившись даже привязать погибших как следует, чтобы они выглядели достойно. И ждешь не дожدهшься быстрее закончить тризну.

Олаф сдержал себя и еще раз напомнил старику, что отдал он лучший свой корабль:

– А ты, Хомрад, неужели уподобился упрямому Рунгу и так же повернулся рассудком? Нет, старость – наказание богов!

Он позвал Гендальфа. Когда тот явился, ярл ему строго-настрого наказал:

– У Хомрада выпали зубы, распорядись, чтобы жевали ему хлеб и давали протертую кашу. Проследи также, чтоб теплым был его угол в моем доме. Видно, плохо ему живется, раз он раскапризничался, – так позаботься о нем вдвойне.

На том закончился их разговор с Хомрадом. Оскорбленный викинг отошел, в одном лишь согласившись с ярлом Олафом, что старость для настоящего мужа – истинное наказание.

После того сожгли корабль. Многие после погребения долго потом продолжали говорить о щедрости ярла, отдавшего мертвым столько серебра, а главное – лучший свой дракон. Когда же занялось пламя, то убитый в той битве кормчий Стогнар, которого привязали к рулю (он единственный стоял среди прочих), от порыва ветра вдруг повалился – и некоторые сочли это дурным знаком. На том месте насыпали вскоре небольшой курган, получивший название кургана Стогнара Кормчего, или кургана Резни в Хайгерс-фьорде, по названию того места, возле которого Вирге и его люди подстерегли драконы Удачливого. Гендальф про ту битву сложил вису:

Стражи Казны, Властители Стали,
Драконы Шлемов умолкли в руках
Древ Сокровищ.
Теперь лишь Дороги Небесных Рыб
открыты для них.
И больше Пурга Гендуль, увы, не коснется
Стражей Великого Злата.
Хайгерс-фьорд успокоил храбрейших.

И лучший дракон отдал для них бьеоркский ярл.

Возле того места, в камнях, рыбак Гамли, человек, которого в Бьеорк-фьорде не любили, потом нашел несколько серебряных монет, каким-то образом закатившихся, – и скрыл это от других. Но от того серебра не было ему никакого проку, вскоре навалились на его голову всякие неприятности – а все потому, что, видно, сам Стогнар, как и подобает могильному жителю, тот клад ревностно охранял.

Ярл Олаф, после того как закончились погребение и пиры, а сам он отдохнул, сказал своей жене Астрид:

– Вирге и его волкам не терпится угостить меня еще раз. Кроме того, кое-кто из ирландских жителей шлет мне привет из-за моря, а именно Кнут Норвежец, он-то поступил к Кьярвалю на службу и служит ему, как самая преданная собака.

– Здесь нам нечего бояться, – отвечала жена. – Скалы нас закрывают, но надежнее всех скал защищает нас Бьеорк-гора. Кто отважится осквернить это место? Даже Инвар Разоритель Гнезд – и тот не посмел бы, живи он сейчас, грозить Бьеорк-фьорду, а Инвар был берсерк не чета прочим и никого и ничего не боялся. К тому же любой корабль не пройдет сюда незамеченным, а если и пройдет, то сядет на мель или разобьется о скалы.

Олаф сказал:

– Так-то оно так, но этой зимой меня запросят на тинг²², а там конунг Хальвдан, и я буду не я, если не замыслил он подмять под себя всех оставшихся свободных ярлов. О том же, что и я, думают Торнир Длиннолицый, Кьятви Богач и Бранд Мучная Борода. Вот только каждый из нас прячет за спиной нож. Хальвдан ждет: мы друг друга перегрызем, здесь-то он и

²² Тинг – норвежский парламент, на который съезжались со всех концов страны. На тинге обсуждались самые важные государственные, а также уголовные и административные дела.

подоспеет, а не он, так его наследники. Яблоко от яблони недалеко падает. Правда, Хальвдан вряд ли отважится отправить сюда корабли, да и не найдется сумасшедших перевалить через хребты – но мне-то самому вскоре будет носа отсюда не высунуть.

Астрид ответила:

– Золото делает то, что должно делать. Имя Удачливого – лучшая наживка на любую рыбу. Ты никогда не скупился, и все возвращалось к тебе сторицей. Против берсерков, кораблей и таких кормчих, как Визард, разве есть в Норвегии сила? Никогда не будет такой силы, если пустить в ход добычу и имя.

Ярл был очень доволен своей женой. Он воскликнул:

– Стоит мне только подумать, а ты уже высказываешь самую сокровенную мою мысль.

Правда твоя, нужно спешить, пока удалыцы не разбрелись по фьордам. Не переманил бы их к себе чего доброго Кьятви Богач, не отправились бы они за море к проклятому Норвежцу! Думаю, что этой зимой построим мы не один дом для воинов; надеюсь, найдутся и болтливые сороки и донесут об этом на своих хвостах тингу – мне же будет с чем объявиться к конунгу. Я очень постараюсь, чтобы к тому времени целая орава голодных и жадных на всякие развлечения викингов уже стояла за моей спиной. Это тоже стена, не хуже скал Бьеорк-фьорда!

И еще ярл Олаф согласился с тем, что имя его – приманка для всякого смельчака, мечтающего о хорошей добыче, и поклялся, что еще не один дружинник Хальвдана переметнется к нему. Ибо, как сказал ярл, мало кто пожелает болтаться с Хальвданом по норвежским фьордам, когда на его, ярла, кораблях найдется каждому столько дел. Мало кто будет довольствоваться объедками со стола конунга, когда сама удача пойдет в руки к тому, кто сядет за весла его, ярла, драконов.

На следующий день после разговора Олаф послал своих людей по фьордам, надеясь успеть до тинга. Как и следовало ожидать, на его зов явились многие: а среди них Торгейр Топор, Фридмунд Рыжеволосый, Торкель, Юр, Свегурд, Хавр Свинья – все славные рыжие великаны, достойно владеющие секирами и мечами. Следом, как и предсказывал Олаф, явились выделяющиеся особой силой берсерки Эгиль и Торнир Собака. А также вновь прибыл Гисли Лежебока, знаменитый прежде всего тем, что во время ссоры в Тронхейме веслом убил тринадцать человек, из-за чего до сих пор с их родичами вел тяжбы – те поклялись расправиться с Гисли при первом удобном случае. Да вот только не так-то просто было подступиться к Гисли Лежебоке. Та бойня, которую он учинил в Тронхейме, так и осталась в памяти, как «побоище с веслами». Этот Гисли Лежебока, стоило его только разозлить, делался очень свирепым и в бою не давал пощады. Олаф его очень ценил.

Кроме них, из-за моря прибыли Флоси Исландец и его брат Торви с людьми. Набралось больше сотни человек, приплывших на своих кораблях. Тотчас Олаф приказал строить для вновь прибывших на Лосином Мысу большие дома и исправно кормил и поил их. На хуторах Бьеорк-фьорда многие поначалу с настороженностью встретили викингов, а все оттого, что оказались среди них лихие люди, часто промышлявшие грабежами и набегами не только за морем, но и у себя на родине. Некоторые из них были незаконниками, однако ярл Олаф строго следил, чтобы никто из прибывших не обижал его людей. Воины сидели на Лосином Мысу, там же строились сараи для кораблей, и никто из них не помышлял наведываться в близлежащие места, с тем чтобы поживиться или позабавиться с приглянувшимися женщиной или девушкой. Все знали суровость Олафа, так что той зимой все обошлось.

В ту зиму случилось вот что: сын Олафа Рюрик подстерег кузнеца Сварда на тропе возле Бьеорк-горы и напал на него, размахивая мечом. У кузнеца был с собой посох, который помогал ему подниматься в горы. Когда Свард уходил из селения, то всегда прихватывал посох с

собой. И был тот посох хоть и деревянный, но очень твердый. Кузнец, отбив первый удар, сказал:

– Вижу, что благородный держит свое слово. Это похвально.

Затем посохом он ловко выбил меч из руки сопливого мальчишки и молвил:

– Не трудись поднимать его. Ты и так перетрудился, таская свои камни.

Сказав это, Свард как ни в чем не бывало пошел своей дорогой. Рюрик же, подобно берсерку, готов был грызть самое крепкое дерево. Больше всего он теперь боялся, что Свард всем об этом расскажет. Однако кузнец поведал о том, что случилось, только Астрид. И добавил:

– Верь мне, достойная женщина, не одна еще каменная изгородь вырастет вдоль дороги. Сегодня сын ярла немало меня позабавил своей выходкой. Подскажи ему только, чтобы прятал язык, а не высовывал его во время боя от излишнего усердия, а не то, вполне возможно, что он когда-нибудь здорово его прикусит...

Астрид на это только рассмеялась.

Между тем тинг был уже не за горами. Конунг Хальвдан и многие его люди спали и видели на тинге Удачливого – и ярл Олаф решил не мешкать. Он сказал жене:

– Не дело мне отсиживаться в фьорде, пока собаки будут лаять и поносить мое имя. Явлюсь далеко не последним.

Астрид советовала взять с собой побольше воинов и показать свою силу. Кроме того, она надеялась на своего родного брата Кольбьерна Медноголового. Олаф твердо решил:

– С собою возьму лишь трех человек. И один из них будет Визард, другой Гендальф, и третий – мой сын. Пора мальчишке знать, что к чему, и поглядеть не только на достойных мужей, но и на брехливых псов: кому, как не ему, в будущем укрощать их?

Астрид спросила с тревогой:

– Не мало ли?

Удачливый рассудил:

– Нет смысла тингу обвинять меня в гибели Олфинсона. Снурри сам виноват. Кроме того, родичи его слишком жадны и трусливы: если отдам большой выкуп, меня они не тронут и лицо сохранят. Что касается конунга, он отлично прослышан о таком негодяе, как Олфинсон, – для Хальвдана только на руку, если к Хель отправится побольше подобной нечисти. Так что не беспокойся. К тому же Локи наградил меня языком, и за себя я как-нибудь постою. Думаю, всем уже известно, чьи топоры будят по утрам склоны горы Бьеорк. Конунгу наверняка донесли о Гисли Лежебоке и Торнире Собаке – а ведь эти не будут сидеть дома, если запахло кровью и золотом. Доподлинно известно, к кому они пожаловали. Так что пусть они отдыхают и забавляются пока охотой и рыбной ловлей. Иногда лучше иметь силу не при себе, а на некотором расстоянии – все равно за моей спиной незримо они будут стоять, их секиры будут многим чудиться на тинге.

Астрид сказала:

– Конунг может обвинить тебя в оскорблении своего херсира²³.

Олаф ответил:

– Слишком еще слаб конунг Хальвдан. Еще не отросли у него порядочные клыки. К тому же он прекрасно знает: истинные удалыцы с тем, на чьей стороне удача. Что толку сидеть дома настоящему викингу, когда за морем горы из золота. А я знаю, куда повести корабли.

Он еще добавил, засмеявшись:

– Только стоит сейчас мне кликнуть клич на тинге, половина благородных с дружинами тотчас сядут на мои весла.

²³ Херсиры и лендрманны – приближенные конунга.

Олаф сделал так, как и задумал: на самый большой из оставшихся кораблей завели четырех выносливых лошадей, затем взошли на него ярл с сыном, Визард и Гендальф, и гребцы заняли свои места. Ярл Олаф нарядился в лучшую свою одежду: был на нем богато вышитый красный плащ, в ножнах, отделанных драгоценными камнями, висел на поясе верный меч по имени Емунь. Кроме того, не забыл он надеть тяжелую золотую цепь. Они вышли из Бьоркфьорда, повернули на юг и плыли вдоль побережья день, ночь и день. Затем Визард направил корабль в пустынный фьорд и пристал к берегу. Олаф, Гендальф, Визард и Рюрик сели на лошадей, приученных к ходьбе в горах. Когда они поднялись в горы и фьорд остался далеко внизу, поглядев по сторонам, ярл Олаф воскликнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.